

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

ВЫПУСК № 1 (44)

КОГНИТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ:
QS&AS

В.З. Демьянков (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

vdemiank@gmail.ru

ОБ ОБРАЗНОСТИ НЕХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА¹

Образная речь и образная мысль заполняют те эпизоды в научном и быденном (не художественном) дискурсе, когда по той или иной причине нет возможности или желания нечто сказать прямо. Эти эпизоды представляют собой компромис между потребностями реальной коммуникации и ограниченными эпистемологическими возможностями человека. Когнитивные механизмы построения и интерпретации возникающих в результате этого двойных «картин мира» можно отнести к «языковой деятельности» (соссюрговскому *langage*), но опираются они на прагматически переработанную систему языка, то есть, соссюрговскую *langue*, прагматическую аккомодированную к коммуникативным нуждам человека.

Ключевые слова: образная речь, система языка, употребление языка, аккомодация дискурса, креативность интерпретации.

¹ Разделы 1 и «Заключение» данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Образность дискурса

В обыденной и в научной жизни мы не просто часто, а часто даже просто и обычно нечаянно пользуемся фигурами речи, когда восста-навливаем причинно-следственные связи между явлениями в меру избалованности («софистичированности») царящего в данную эпоху представления о стандартах истин: об ординарных и о «марочных» истинах. Такая неброская простота выражения вряд ли была бы по душе «раннему» Л. Виттгенштейну, учившему молчать, если нельзя сказать, ср.: “Whereof one cannot speak, thereof one must be silent”. Но публикации последних лет дают огромное количество примеров продуктивно-го использования, например, метафор в политике, в медицине, в биологии и в информатике, свидетельствующих о том, что образность – не только украшение речи (привычное и естественное в художественном тексте, где традиционно почти все имеет право быть красивеньким), но и связывание воедино пока еще разъединенных фрагментов общей «картины маслом» (по выражению одного киногероя В. Машкова). Оперативно-детективное вмешательство, устанавливающее единство мира, в руках реконструктора, как и у хирурга-травматолога, должно возвращать это единство без креативных отсебятин. Теоретик, верящий в объективность такой процедуры, приговаривает: «Так и было, рука срослась правильно, она и до операции была у вас кривой, да и ракурс нетрадиционный». А критик ворчит: «До Вас было не так!» Персонаж рассказа М. Зощенко сказал бы: «Ложи, – говорю, – взад!»

В обыденном и научном дискурсе иносказательность заполняет неловкий пробел, образующийся при виттгенштейновской цензуре. Чего стоит одна знаменитая фраза Ф.Г. Раневской: «Сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность!» Буквально плюнуть можно (хоть и неприлично) на асфальт, но не в душу (пусть такое и возможно в русской фразеологии) и тем более не в вечность (в кото-рую зато можно спокойно взять и кануть). Образная неизбежность – ти-повой креатив.

Такой прием злопыхатели интерпретируют как уход от честного прямого ответа. Но великую актрису в этом трудно обвинить. В науке тоже нередко бывает, когда не по-пионерски неряшливый в выражени-ях ученый Мальчиш-Кибальчиш на защите своей кандидатской дис-сертации бестактно возьмет да ляпнет что-нибудь вроде: «А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться» (А. Гайдар. Сказка про военную тайну, 1935). Чаше мы все-таки слышим, и от себя тоже: «Как вам известно, больше нам не

известно». Вина невежества, смахивающего на неискренность, возлагается на нездоровые обстоятельства познания: «Лучше не знать вовсе, чем врать!». В разгар пандемии политики старались продемонстрировать отсутствие вакцины и лекарства от коронавируса в собственной стране, чтобы избежать подозрения, будто какое-либо отдельно взятое государство эту заразу изобрело и уже всю лечит своих граждан втихаря, из-под подушки, чтобы не делиться с иностранными коллегами.

Связана непрямолнейность речи и с привычкой к магической заклинательности: говорят то, что «в голову приходит», зная, что какая-нибудь сострадательная интерпретация в научном хозяйстве да и пригодится, хоть пол подтереть. Впрочем, может и все испортить. Вот почему, ссылаясь на Платона, отрицают какую-либо связь между реальностью и речью о ней [Mul 1985: 278], а заискивая перед добреньким интерпретатором, по-герменевтически и мудро говорят, что умелый комментатор в момент поймет текст лучше, чем автор [Hirsch 1967: 7].

Лингвисты-теоретики не надеются, что в результате их деятельности в языковедческий подол сами собой посыплются лексемы, морфемы и фонемы, очарованные и наповал объясненные теорией-иносказанием. Урожай языковых единиц можно ожидать от языковедческого, а не лингвистического теоретизирования. Но такова, видать, человеческая природа науки: она питает и сама подпитывается «синергией» с бытовым здравым смыслом, который (хочется верить) обогащается высоколобыми слухами о новейших достижениях, полученных на полях науки; особенно легко доверяют слухам из-за рубежа. Чужеземная креативность всегда особенно почитаема. В наше время рассчитывают на “further synergy between the study of language and the study of our human capacities for communication and cognition” [Fox et al. 1999: vii]. Научный пикник сплавливает эти две разные сферы. Синергична, по Мерло-Понти¹, коммуникация как взаимодействие восприятия и выражения [Lanigan 1988: 54], но не синергична культура в целом, движущаяся, подобно осьминогу, разнонаправленно и противоречащая сама себе: “Culture moves rather like an octopus [...] – not all at once in a smoothly coordinated synergy of parts, a massive coaction of the whole, but

¹ Cp.: “Il est donc bien vrai que les “mondes privés” communiquent, que chacun d’eux se donne à son titulaire comme variante d’un monde commun. La communication fait de nous les témoins d’un seul monde, comme la synergie de nos yeux les suspend à une chose unique” [Merleau-Ponty 1964: 27].

by disjointed movements of this part, then that, and now the other which somehow cumulate to directional change” [Geertz 1966: 66].

Иносказание – небуквальность, опирающаяся на креативную интерпретацию адресата и адаптирующая смысл речи к интеллектуальному уровню аудитории. И в этом посконная синергетика научной коммуникации. Поскольку же такой обходный маневр не позволяет все о том же говорить точнее, иносказание – не что иное, как «иноНЕсказание», прием застенчиво «сказать и не сказать» (*dire et ne pas dire*, следуя знаменитой работе [Ducrot 1972]). Это шанс хоть через щелочку взглянуть на любимый предмет исследования и смягчить горечь интеллектуальных неудач, устало отшучиваясь: «Не узнаем – так хоть посмеемся!»

Многовековая история науки дает поводы для смеха и жизнерадостного, и сардонического. «Иносказануть» можно удачно или неудачно, это оценивают – пусть и не всегда непосредственно – по самому тексту, а не по паузам и отточиям в нем. Но очень трудно констатировать неудачу «иноНЕсказания», нацеленного на *face-saving*: иноНЕсказателю все по плечу. Он так честно и говорит: «Мне это по... плечу», не обязательно осознавая границы допустимого и не всегда поддерживая консенсус, ср. [Ueding 1996: 33]. Образный краткий дискурс, целиком или частями, в памяти застревает как самооценный афоризм, который – о несправедливость! – западает в душу легче, чем многословный текст.

2. Образность лингвистической теории

Словосочетание *лингвистическая теория* означает «теория лингвистики» (как развиваются и должны развиваться общетеоретические воззрения лингвистов) и «теория (в частности, языка), созданная профессионалом-лингвистом». В сферу интересов лингвистики входит не только «язык как система» (*langue*, которой занимается языкознание, с атрибутивной формой *языковедческий*), но и язык как деятельность (*langage*). Выражение *когнитивная лингвистика* у всех на слуху, а от «когнитивного языкознания / языковедения» слуху мало, но много духу: соссюрровский *langage* когнитивной лингвистике с ее антропологической ориентацией все-таки ближе, чем соссюровская *langue* [Демьянков 2020].

Из глубокой древности до наших дней дошел образ истины как чего-то изрекаемого, не существующего без слов. Русский поэт вбросил в наш быт противоположное представление: «Мысль изреченная

есть ложь» (Ф.И. Тютчев). А вопреки привычным оборотам типа *собственная речь, по собственным словам* и т. п., человек – опекун, а не собственник истины: подобно электрическим проводам, глашатаю или почтальону Печкину, он только передает ее дальше [Bojadshieff 1995: 67], да и то не такою, «как она есть», а в виде доноса, с указанием вербальных и/или невербальных подробностей из показаний свидетелей.

Учитывая это, попытаемся ответить на вопросы, талантливо и образно сформулированные организаторами конференции.

1. «С кем «дружит» когнитивный лингвист? Междисциплинарные формулы современной когнитивной лингвистики ($КЛ = Л + x + y + ?...$)». Когнитивная лингвистика, чтобы не быть умозрительной, опирается на описание языковой деятельности конкретных языковых ареалов, на огромный материал текстов, предоставляемый нам историей развития и философии языка в целом, и эпистемологией как наукой о человеческом факторе познания. Исследование концептов и механизмов развития концептуальной сферы неразрывно связано с культурологией, от взаимодействия с которой выигрывают наши социальные и гуманитарные науки в целом. Серьезные ожидания лингвистов-когнитологов связаны с обобщением психолингвистических исследований. А в целом, когнитивная лингвистика, как и 30 лет назад, по-прежнему может быть названа содружеством наук, и дружба класса «неразлей вода» с соседями у нее в крови.

2. «Методы КЛ: возможно ли преодолеть интроспекцию?» Интроспекция – инструмент, в значительной степени зависящий от желаний, иногда глубоко скрытых от сознания исследователя. Платон почитал бы интроспекцию благой неизбежностью и гуманитарного, и естественнонаучного познания. Ведь желание – неизбежное добро (не зло) познания. Аристотель же, как мы помним, стремился минимизировать волонтаризм. Судя по тому, насколько часто в наших науках мы прибегаем к иносказаниям и ироничным отговоркам, час абсолютной бесчеловечной науки еще не пробил. И вряд ли ему надо бить.

3. ««Естественная» коммуникация для когнитивного лингвиста – избыточное понятие или осознанная необходимость?» Философский диалог, конечно, по всей стати отличается от «естественной» коммуникации. Но даже в обыденном общении «культурный» собеседник произвольно проявляет стандарты своего профессионального мастерства. Так, маленькая балерина на дискотеке или по пути на работу своими движениями, постановкой головы, спины, рук и ног по кано-

нам классического танца произвольно удивляет окружающую ее толпу, синергично двигающуюся «кое-как». И все на рынке идей завроженно смотрят ученой богине вслед, пока когнитивная шея не онемевает. Естественный диалог включает в себя узкопрофессиональные вкрапления не только у тех, кто «хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном», но и у тех, кто, поваривая борщ, всё думают и думают о реакторе.

4. «Социальность (по)знания в диалоге: Взаимная адаптация или конфликт точек зрения?» Один из ответов на вопрос: «А зачем нам это знать?» таков: «А хотя бы и для самоуважения». Знающих уважают больше, чем остальных. Да и «счастье только знающим дано» (И.А. Бунин). Диалоги обладают своими настройками по параметру «социальности». Так, «платоновский» майевтический диалог демонстрирует продуктивность взаимной адаптации собеседников, правда, при условии, что ученик приходит к учителю хоть с каким-нибудь эпистемическим приданым мнений, оценок и предвзятостей.

5. «Когнитивная прагматика: Почему контекст так важен для когнитолога?» В когнитивной лингвистике выкристаллизовался тот взгляд, что «... контекст, на фоне которого определяется языковое значение, является внешним по отношению к системе языка» [Болдырев 2018: 33]. Иначе говоря, контекст лежит в сфере *langage*, а не *langue*. Лингвистическая прагматика как серия приемов исследования контекста входит в состав того самого профессионального приданого, с которым лингвист приходит пообщаться с дружественными научными дисциплинами, интересующимися не судьбой отдельных юсов, суффиксов и конструкций (для философа это слишком узко, хотя и может быть интересно), а человеческой языковой деятельностью, языком как гумбольдтовской «энергейей».

6. «Полиmodalность естественной коммуникации: Куда ведет «жестовый поворот» в КЛ?» Жесты дирижируют ходом общения и исподволь сообщают такие сенсационные агентурные сведения, которым позавидуют «фрейдовы» оговорки. Кроме прочего, жесты выдают отношение говорящего к динамике своего повествования [Ирисханова 2018: 213], а иногда и желание сократить «трудный разговор», зато растянуть удовольствие от приятного обсуждения чужих неприятностей.

7. «Когнитивные исследования креативности: Есть ли пределы у творчества в языке и когниции?» В том, что относится к экспланаторной стороне когнитивной лингвистики, иносказательность как соз-

дание и использование не прямых значений речи всемогуща, однако в быту и на ее проруху есть управа в виде «научной этики»: кое-о-чем в хорошем обществе говорить вне регламента не принято.

8. «Конструирование мира в языках, культурах, профессиях: Сколько картин мира у человека?» Исследования в области психопатологии сплошь и рядом указывают на сосуществование нескольких картин мира у одного и того же тихого и скромного пациента. Уже сама возможность выразиться образно там, где можно и сгоряча ляпнуть то, что в голову взбредет, заставляет засомневаться в однозначной ненормальности такой шизофрении. Тем более что эта образность опирается на «коллективные сведения о мире», подобно фаршу из мясорубки «пропущенные» через язык, ср. [Кубрякова 2009: 10]. Лингвокогнитивный анализ показывает механизмы примирения таких картин и условия, при которых и на которых это примирение происходит.

9. «Что дают когнитивные «инъекции» исследованиям дискурса?» Судя по тому, насколько бурно развивается когнитивная наука, без таких инъекций исследованиям дискурса уже сегодня грозит неминуемая ломка: они вряд ли смогут обойтись без фигур и образов, пришедших из психологии и из дисциплины, называемой «искусственный интеллект». Теории дискурса тоже не остаются в долгу и сами посылают волны научной нежности сестрам когнитологического милосердия.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Демьянков В.З. Ребята, это не лингвистика, это языкознание! // Русский язык за рубежом. 2020. № 1 (278). С. 15-20.

Ирисханова О.К. К вопросу об измерении динамики нарратива // Образы языка и зигзаги дискурса. М.: Культурная революция, 2018. С. 192-215.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.

Bojadshieff Z. Die frühgriechische Philosophie als Phänomen der Kultur. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1995.

Ducrot O. Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique. Paris: Hermann, 1972.

Fox B.A., Jurafsky D., Michaelis L.A. Preface // Cognition and evolution in language. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999. P. vii-viii.

Geertz C. Person, Time, and Conduct in Bali: An Essay in Cultural Analysis. New Haven: Yale University, 1966.

Hirsch E.D. Jr. Validity in Interpretation. New Haven; London: Yale University Press, 1967.

Lanigan R.L. Phenomenology of communication: Merleau-Ponty's thematics in communicology and semiology. Pittsburgh (PA): Duquesne University Press, 1988.

Merleau-Ponty M. Le visible et l'invisible, suivi de notes de travail / Texte établi par Claude Lefort, accompagné d'un avertissement et d'une postface. Paris: Gallimard, 1964.

Mul J.de. Image without origin: On Nietzsche's transcendental metaphor // The Reasons of Art: Artworks and the Transformations of Philosophy: L'art a ses raisons: Les oeuvres d'art: Défis à la philosophie. Ottawa: University of Ottawa, 1985. P. 273-284.

Ueding G. Rhetorik des Lächerlichen // Semiotik, Rhetorik und Soziologie des Lachens: Vergleichende Studien zum Funktionswandel des Lachens vom Mittelalter zur Gegenwart. Tübingen: Niemeyer, 1996. S. 21-36.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ON FIGURATIVENESS OF NON-FICTIONAL DISCOURSE

Figurative speech and figurative thought fill in those episodes in scholarly discourse where it is impossible to speak precisely. In a way, they are a compromise between the needs of real communication and the limited epistemological ability of humans. Cognitive mechanisms of constructing and interpreting double pictures arising out of such discourse belong to the Saussurean “language” which relies upon the pragmatically processed “langue”, i. e. the system of language pragmatically adapted to human needs.

Key words: figurative speech, language system, language use, discourse accommodation, creativity of interpretation.